

ца VI до первой трети VII веков. Три исторических успеха, формирующих культурную ткань, *signa temporum* законов, — позволь мне, читатель, во имя краткости использовать один единственный раз это двусмысленное выражение, — происшедшие в Толедо. Первое событие датируется 589 годом и состоит в обращении Рекареда и готского народа в католическую веру, определенную на соборах в Никее (325), Константинополе (381), Эфесе (431) и Халкедоне (451). Произошло это событие под влиянием епископа севильского Леандра во время третьего Толедского собора. Второе событие великой важности приводит нас от третьего к четвертому Толедскому собору (633) и от Леандра к его брату, Исидору. Священники, собравшиеся там под властью Сисенанда (сей благочестивый король посвятил себя как делам земным, так и божественным¹) продолжали заниматься регулированием соборной практики и установлением единой литургии, но также затронули и статус короля и вопросы верности монарху — с этого момента стала очевидна важная роль Церкви в политической жизни королевства. Наконец, третье заметное событие разбито на две даты, поскольку относится к падению святого града Иерусалима перед войсками персидского шаха Хосрова (614) и затем нового и уже окончательного его завоевания халифами из династии Омейядов (638).

Два всеобщих собора испано-готской Церкви и две знаменитых неудачи Византийской империи на ее восточных окраинах. Несмотря на то, что они кажутся отдаленными от нашей истории права, она будет искажена, если мы попытаемся отказаться от означенных событий.

На самом деле, после триумфа ортодоксальной веры, королевское законодательство, да и сама королевская власть во всей ее целостности, получили новое развитие. Можно сказать, что *Liber Iudiciorum* объединяет в себе слой текстов арианского периода (анонимные *antiquae* с неизвестной датой создания, которые, тем не менее, могут быть возведены ко второй половине V века) и второй слой католических нормативных текстов (законы, приписываемые Рекареду, Сисебуту, Хиндасвину, Рецесвину, Вамбе, Эрвигию и Эгике или Эгике-Витице), легко отличающиеся друг от друга по различиям в стиле, форме и содержании. Отказавшись от наследия Ария, благочестивый Рекаред, первый среди королей-законодателей (*artifices legum*) *Liber*, превратился в нового Константина, в западного Марциана, заключившего особенный договор о зависимости с единым в трех лицах никейским Богом, которому он вручил народы, чтобы они были вверены его неисчерпаемой милости. Все это было записано вместе с учением и символом истинной веры и подписано перед Толедским собором. С этого момента по таинственному Божественному замыслу король Толедо стал главой католического стада — прекрасная позиция, источник власти и верховенства. И законы короля направляли его ближайшие труды к достижению целей небесных.

¹ cuius tanta ergo Deum devotio extat ut non solum in rebus humanis sed etiam in causis divinis sollicitus maneat

Если говорить предельно кратко, то речь идет о количестве католических текстов в *Liber*. Перед тем, как рассмотреть их более детально, отметим, что решающий собор с участием Леандра и Рекареда важен нам, среди всего прочего, тем, что он открыл плодороднейшее поле контактов светской знати с церковной аристократией, которое отличает испанскую культуру VII века. Эта практика породила дискуссию между историками о характере и природе вестготских соборов, дискуссию, в которую мы включиться не можем. Здесь достаточно лишь упомянуть, что присутствие короля и его двора на соборе вместе с клиром привело к возникновению теснейшей связи королевского законодательства с церковными канонами, что само по себе является широкой темой, включающей в себя множество аспектов.

Первый из них и самый простой состоит в канонизации королевских норм и, напротив, в исполнении соборных постановлений как королевских законов. В самом деле, «официальное» определение закона, предлагаемое *Liber* (LI. I.2.2), содержит такие значения этого слова, как «источник знаний» и «творец права», но также термин *lex* означал и «служителя веры», «посланника правосудия» и даже «воплощение божественности»¹. Учитывая эти замечания, мы встречаем среди канонизированных норм LI. II.1.6 — текст, смягчивший репрессии, направленные старым Хиндасвинтом (аа. 642–653) против враждебных знатных группировок. Его автор — Рецесвинт (аа. 649–672), сын и соправитель Хиндасвинта, — оставшись на троне в одиночестве, провозгласил этот закон на VIII Толедском соборе 653 года, в актах которого он и сохранился. Нормы этого закона перешли также и в канон 10 названного собора, содержание которого зависит как от цитированного закона, так и от другого закона Рецесвинта (LI. II.1.29). Не следует оставлять без решения и вопрос об обратных случаях, когда церковное постановление было заимствовано королевским законодательством. Так, канон 5, посвященный невоздержанности священнослужителей, превратился в закон, известный как LI. III.4.18, “*De inmundicia sacerdotum et ministrorum*”. Весьма значимо то, что это постановление усиливало возможности епископов в преследовании запятнавших себя клириков властью короля и его судей. Упомянем и то, что как католические законы часто устанавливали наказания, относящиеся к сфере канонического права (отлучение, публичное покаяние) наряду с традиционными карами телесного или штрафного характера, так и соборы иногда назначали светские уголовные санкции (позорное обривание, битье кнутом, высылка, штрафы и т. д.), за единственным исключением в виде смертной казни.

Во-вторых, акты церковных соборов свидетельствуют о существовании институциональных обычаев, содействовавших описанному сближению. Примером такого может служить *lex in confirmatione concilii* — постановление

¹ LI. I.2.2: *Lex est emula divinitatis, antestis religionis, fons disciplinarum, artifex iuris, boni mores inveniens adque componens, gubernaculum civitatis, iustitiae nuntia, magistrata vite, anima totius corporis popularis*

rex gothorum, основанное на римских предшествующих образцах, — со светской санкцией соборных постановлений. Первое подобное подтверждение было издано Рекаредом в ходе все того же Третьего Толедского собора, который лишней раз доказывает свое огромное значение, однако в обычай это вошло лишь начиная с XII Толедского собора (681), созванного в период правления короля Эрвигия (680–687) и пребывания на архиепископском престоле влиятельного Юлиана (680–690). Тем же происхождением и похожей судьбой (появление при Рекареде и распространение начиная с Эрвигия) обладал и еще один текст, присоединившийся к подтверждающим законам. Речь идет о так называемом «королевском томе» — торжественном тексте, который король зачитывал перед собором в момент его открытия, содержащем официальное королевское приветствие и список дел, подлежащих решению.

Обращение Рекареда дало жизнь не только отмеченным нами практикам. Как было сказано раньше, литературный стиль законов позволяет нам различать в тексте *Liber* нормативный материал, который можно назвать «арианским» и другой, весьма от него отличный, собранный из постановлений, изданных после Третьего Толедского собора. Для того, чтобы оценить эти серьезные различия, достаточно лишь прочесть два следующих фрагмента¹.

¹ Далее приводятся фрагменты, предлагаемые К. Петитом для сравнения. В сноске приводится лишь латинский текст этих законов, русский дан в соответствующих местах перевода. — прим. пер.

LI III.2.5. (ant.) Si iudex aut per commodum aut per ignorantiam iudicet causam. - Iudex si per quodlibet commodum male iudicaverit et cuicumque iniuste quidquam auferri preceperit, ille, qui a iudice ordinatus ad tollendum fuerat destinatus, ea, qui tulit, restituat. Nam ipse iudex contrarius equitatis alius tantum de suo, quantum auferri iusserat, mox reformet, id est, ablate rei simpla redintegratione concessa, pro satisfactione sue temeritatis alius tantum, quantum auferri preceperat, de sua facultate illi, quem iniuste damnaverat, reddat. Quod si non habuerit, unde componat, cum his, que habere dinoscitur, ipse iudex illi, cui componere debuit, subiaceat serviturus. Sin autem per ignorantiam iniuste iudicaverit et sacramentis se potuerit excusare, quod non per amicitiam vel cupiditate aut per commodum quolibet, sed tantumdem ignoranter hoc fecerit: quod iudicabit non valeat, et ipse iudex non implicetur in culpa.

LI II.1.29 (Recesvinto). Ut iniustum iudicium et definitio iniusta, regio metu vel iussu a iudicibus ordinata, non valeat. - Nonnunquam gravado potestatis depravare solet iustitiam actionis, que, dum sepe valet, certo est, quod semper nocet; quia, dum frequenter vigore ponderis iustitiam premit, numquam in statu sue rectitudinis hanc redire permittit. Ideoque, quia sepe principum metu vel iussu solent iudices interdum iustitie, interdum legibus contraria iudicare, propter hoc tranquillitatis nostre uno medicamine concedimus duo mala sanare, decernentes, ut, cum repertum fuerit, qualemcumque scripture contractum seu quodcumque iudicium non iustitia vel debitis legibus, sed iussu aut metu principum esse confectum, et hoc, quod obvium iustitie vel legibus iudicatum est adque concretum, in nihilo redeat, et eos, qui iudicaverunt vel hoc facere coegerunt, nullius infamie nota cospergat vel rei alicuius damnum adfligat; qui tamen iudices tunc erunt a legum damnis immunes, si se iuramento firmaverint, non sua pravitate, sed regio vigore nequiter iudicasse.

Как видим, речь не идет лишь о простой краткости текста, хотя это и является характерной чертой для многих *antiquae*, где за условным изложением фактической гипотезы ('*si quis*') следует диспозитивная клаузула с глаголом в страдательном залоге ('*falsarius iudicetur*', '*cogatur exolvere*' и т. д.). Потому, если судить лишь по форме, то *antiquae* покажутся одним из типов приговоров (таких, как сохранен в LI. V.4.1: "*conmutatio, si non fuerit per vim et metum extorta, talem qualem et emtio habeat firmitatem*"), одним из видов формул того рода, что был прекрасно известен вестготам (Исидор, Тайон), в том числе, и в правовой сфере (см. *Pauli libri sententiarum*, вошедшие в *Lex romana visigothorum* или «Бревиарий Алариха» 506 года). Несколько более пространная, чем обычно — на этот раз благодаря вмешательству Леовигильда, — *antiqua*, включенная в пример, во всем следует достаточно простому формуляру, лишённому торжественных вступлений или *narrationes* и прочих риторических украшений.

Напротив, закон Речесвинта, не сильно отличающийся по размеру, представляет собой гораздо более развитую структуру, поскольку состоит из пролога или торжественного вступления, изложения дела (*narratio*) и диспозиции, предваряемой «преддиспозицией» и завершаемой объявлением, снимающим вину с судей, действующих *regio vigore*. С точки зрения композиции, приверженность к двучленным формулам, столь частая в законодательстве этого короля, позволила использовать синонимию и антитезу в качестве основных риторических средств. Присутствуют там также и фигуры речи (в *narratio* используются аллитерация и анафора: "*iussu... iudices... interdum iustitia, interdum... iudicare*") и, естественно, метафоры текста, который представляется как лекарство, которым умело пользуется король ("*uno medicamine concedimus duo mala sanare*"). Кроме того, чтобы показать таким образом приверженность к противопоставлению, как элементу литературной формы, использованная фигура речи послужила для того, чтобы ввести правило о ничтожности контрактов и решений, заключенных *regio metu vel iussu*, то есть, посредством тех двух болезней, с которыми Речесвинт борется своим королевским лекарством (непосредственно опираясь на *iustitia vel debitas leges*). Настойчивость, звучащая в этих последних словах, вновь повторенных в диспозитивной части нормы (и в том же самом падеже — *ablativus*) скрывает в себе расширение анафоры, которое обретает смысл, если мы вновь обратимся к суровому языку *antiqua* II.1.21. И хотя *Liber Iudiciorum* располагает также и «современными» законами — всегда принадлежащими Речесвинту, — написанными весьма простым языком (cf. LI. II.1.14–17; LI. V.4.21, etc.), все же католическое законодательство обычно весьма богато фигурами речи и тропами (аллитерация, плеоназм, синонимия, антитеза, подобие) наряду с растущей сложностью дипломатики (прологи, длинные *narrationes*, диспозиции, выстроенные цепочкой и вводимые метафорическими клаузулами, множество соединений, клише и т. д.).

Следует подчеркнуть, что эти формальные характеристики развивались в одинаковом темпе с увеличением церковного влияния на содержание доку-

ментов. В свою очередь, это влияние корреспондировало с ростом церковного присутствия при королевском дворе. Так, лекарственная метафора Рецесвинта (LI. II.1.4 и XII.2.1 зафиксировали другие случаи ее употребления) ранее использовалась в документах вселенской Церкви (например, она появляется в подтверждающем законе Халкедонского собора, изданном императором Марцианом), а также употреблялась и испанской церковной знатью (см. канон 16 VI Толедского собора 638 года) и продолжала употребляться после Рецесвинта (XII Толедский собор, 681 год, канон 4). Этот одиночный пример не дает нам возможности сделать вывод, но показывает сближение языка соборных постановлений с лексикой и моделями королевской канцелярии.

В тот период сближение законов и канонов, ставшее возможным лишь после Рекареда, получило серьезное развитие начиная с правления Сисенанда (631–636), — того короля, при ком был созван собор 633 года, ставший вторым значимым фактом для нашей уменьшенной истории готского законодательства. На этом соборе церковные иерархи не ограничились тем, что регламентировали права евреев (см. concilio de Toledo IV, сс. 57–66), деятельность светских судей (с. 32) и конфликтные ситуации вокруг наследования трона (с. 74) — три стоящих упоминания серьезных вопроса, поднятых на IV Толедском соборе и немедленно воспринятых королевским законодательством (правовой статус иудеев: LI. XII.2.3–17; XII.3.1–28; контроль за судебными заседаниями с помощью епископа: LI. II.1.30; верность королю и преследование за предательство: LI. II.1.7–8). Также высший клир не ограничивался и в этот раз, и в последующие, ни изучением проблем, указанных в «королевском томе», ни сомнениями относительно присяг, принесенных в неподходящий момент (весьма известны усилия Рецесвинта и Эгики, не принесшие должного успеха на восьмом и пятнадцатом Толедском соборах), ни проблемой помилования мятежников (как это случилось с дуксом Павлом, реабилитированным Эрвигием на XIII Толедском соборе в 683 году). Независимо от важности, которую мы должны отметить применительно к любому из названных выше обстоятельств, их упоминание интересовало нас лишь как показатель сотрудничества клира с монархом или, в более частном ключе, — присутствия церковного элемента в королевской канцелярии.

Утверждение участия прелатов Церкви в законодательных инициативах короля Толедо вовсе не означает возможности уточнить или хотя бы атрибутировать конкретным историческим персонажам авторство тех или иных законов. Лишь применительно к одному более-менее документированному эпизоду мы знаем, что Браулион Сарагосский (631–651), известный интеллектуал (Хиндасвинт охарактеризовал его дар красноречия словами “*uerba florentissima*”), засверкавший собственным светом после смерти Исидора, должен был по приказу Рецесвинта проверить некий обширный кодекс, исправляя ошибки и разбивая его содержимое на титулы. Из этих сведений, известных, благодаря переписке епископа, Рафаэль де Уренья сделал вывод о том, что книга, о которой шла речь, была ни больше, ни меньше, как *Liber Iudiciorum*, черновик которой Браулион, уже проделавший подобную работу

с «Этимологиями» Исидора, систематизировал и составил названия титулов и законов. И если исследование названий указывает, — на счастье сарагосского епископа, — на то, что они были сделаны одной рукой (Гарсия Лопес), то куда более рискованным представляется мне приписывать Браулиону загадочные законы первой книги, как это делает Уренья, или приписывать его вмешательству закон Рецесвинта, изобилующий антропоморфическими метафорами (LI. II.1.4).

Смешение законов и канонов (или, если угодно, сотрудничество церковных иерархов с королем) разрасталось в последующие правления, однако у нас недостаточно документов для того, чтобы выдвигать хотя бы относительно твердые гипотезы. Вполне могло статься, что епископ Евгений II, занимавший Толедский архиепископский престол между 646 и 657 годами, снабжал королевскую канцелярию людьми и материалами — один из текстов Рецесвинта (LI. II.1.2) поражает нас своим элегантным гекзаметром (“*omnipotens rerum dominus et conditor unus*”), который вполне мог быть взят из одной из поэм, составленных епископом (n° 76, vv. 1–5: “*omnipotens rerum factor regumque creator*”; см. также LI. II.1.4: “*Bene Deus, conditor rerum, disponens humani corporis formam...*”). Хотя здесь, быть может, лучше будет вспомнить о знаменитой поэме о дарении между супругами, сохранившейся в вестготском формулярии, издававшемся П. Розьером и К. Цеймером. Возвращаясь к полю законодательства, отметим, что весьма возможным кажется также участие Юлиана Толедского в создании законов Эрвигия и Эгики, на что указывает текстуальное сходство этих текстов с творениями Толедского архиепископа (Гарсия Лопес).

Но поиск клириков, участвовавших в процессе законотворчества, представляет собой еще очень плохо разработанную проблему. Вне зависимости от признания важности той или иной образованной особы, законы толедских королей в большей степени отвечали на веления сложной культуры, на образы и влияния, исходившие из богатейшей библиотеки литературных и богословских текстов, норм и формул римского происхождения, древних сводов права («кодексы» Эвриха и Леовигильда, которые Исидор упоминал в своей Истории), не забывая, конечно, и о постановлениях соборов. С этой точки зрения вестготское право VII века представляется нам сложной мозаикой, сложенной из частиц, взятых из самых разнообразных источников.

Подобный угол исследования, принимающий во внимание интертекстуальные связи в процессе анализа законов, помогает лучше понять культурную ткань, особенно чувствующуюся в некоторых случаях, прежде всего, — в случаях заимствования из Библии.

Наличие в готской Испании текстов Священного Писания представляется столь же частым, сколь и значимым. В отношении соборных постановлений изобилие библейских цитат, характеризующее их, объясняется не только церковной природой подобных ассамблей (по замечанию Ж. Годеме, в текстах соборов Франкского королевства мы не встречаем ничего похожего); очевидно, что вестготская оригинальность объясняется культурными

причинами — ни в Галлии, ни в каком другом месте не были столь развиты экзегетические комментарии и не было столь многочисленной плеяды писателей-священнослужителей, как те, что процветали в Толедском королевстве (Исидор, Браулион, Ильдефонс, Валерий, Тайон, Юлиан и другие). Тот факт, что Библия циркулировала там с мало где встречавшейся интенсивностью, доказывает использование Священного Писания королями в процессе представления «королевского тома» или при составлении своих писем и поэм (единственный пример — эрудит Сисебут). С другой стороны, редкие доступные нам свидетельства о культуре мирян (как в случае с неким Булгаром, дуксом Нарбонна, от которого нам осталось несколько писем, усыпанных цитатами из Библии и из святых отцов) показывают совершенное знание священных текстов.

С большим даже основанием, нежели литературные труды светской знати, законы католического периода постоянно склоняли библейское послание, чего никогда не происходило с законами, создававшимися в других германских королевствах: в качестве примера передо мной лежат тексты лонгобардских эдиктов от Ротаря до Лиутпранда. В случае *Liber* цитаты из Библии могут иметь развернутый характер, вводиться посредством клаузул типа “*nam cum scriptum sit*”, “*Dominus in lege sua*” и т. д. и содержать довод или максимум в подкрепление текста закона, как мы можем увидеть в одном из законов Рецесвинта, который сопрягает всеобщее знание законов с использованием Псалтыри (см. например, LI. II.1.3, где решение казуса гласит “*noluit intellegere, ut bene ageret*”, т. е., цитирует Пс. 35.4). В других случаях аналогичный результат достигается благодаря обращению к “*sacrae auctoritas scripturae*” (LI. II.1.9, Рецесвинт), неопределенной сама по себе, которую, впрочем, не составляет труда определить — речь идет о фрагменте из Псалтыри (Пс. 14.3) с добавлением книги Исхода (Исх. 22.28.). В широком плане Библия предстает как самый настоящий кодекс, используемый королем в процессе создания закона — ведь никак иначе королевские законы не достигли бы положения *antestis religionis*, предписанного одним из заглавных текстов *Liber* (LI. I.2.2). Без сомнения, этой же миссии отвечала и норма Рецесвинта об иудеях (LI. XII.2.8, “*De datis et confirmatis legibus supra Iudeorum nequitiam promulgatis*”), подтверждавшая существующие законы (“*tam nostrorum legum edicta, quam pre[de]cessorum nostrorum regum*”) с тем, чтобы почтить записанное в Священном Писании (“*sacrarum scripturarum iussu*”); поэтому, когда закон Божий приказывает устанавливать наказание согласно тяжести преступлений (“*cum Dominus in lege sua precipiat: ‘Pro mensura peccati erit et plagarum modus’ [Deut. 25.2]*”, LI. XII.3.1, Эрвигий), также поступает и вестготский король, без колебаний изменяя законы в соответствии с приведенной максимой (LI. XII.2.11: “*Unde lex ipsa, que inscribitur De pena, que perimenda sit transgressio Iudeorum ... in nullo vere valetudinis retinebit statum*”). И, наконец, королевские постановления превращаются в богословское раскрытие священного пассажа, заимствованного в их текстах, как это следует из другого закона против иудеев-конверсов, изданного тем же Эрвигием (LI. XII.3.10), где цитата

из пророчеств Амоса, служащая королю для предостережения неверным (“...audiat contra se prophetam dicentem: ‘Pro eo quod vendidisti argento iustum et pauperes pro calciamentis’ [Am. 2.6]”) немедленно позволяет ему вспомнить страсти Христовы (“quis enim hic venditus argento iustus accipitur vel pauper pro calciamentis, nisi unigenitus filius Dei patris?”).

Было бы ошибочным полагать, что *Liber Iudiciorum* ограничивается лишь этими, более или менее пространными, но всегда важными цитатами из библейских текстов. Более внимательный поиск приводит нас к выводу, что некая часть торжественных вступлений и изложений законов разрабатывались на основе слов, риторических фигур и целых фраз, взятых законодателем из Священного Писания, когда ему казалось неудобным упоминать свой источник. В таких случаях Библия работала неистощимым *thesaurus* первой необходимости для королевской канцелярии — всегда, когда король обращался к опытным помощникам, знавшим Священное Писание как свои пять пальцев.

В качестве примера нам может послужить пространный закон Вамбы, датированный 23 декабря 675 года (LI. IV.5.6, “*De coercitione pontificum, qui pro rebus, quas a suis ecclesiis auferunt, tricennium intercessisse causantur*”). В нем собрана разрозненная, но весьма ценная комбинация из ветхозаветных пассажей (Псалтирь, книга Экклезиаста, книга Премудростей Соломоновых...) о Божьем правосудии (“*Deus iudex iustus*” Вамбы позаимствован из Псалтири: “*Deus iudex iustus, fortis, et patiens*” (Ps. 7.12); “*quoniam Deus iudex est*” из закона, возможно, берет свое начало в пассаже из Экклезиаста: “*quoniam Dominus iudex est*” (Eccli. 35.15) или из аналогичного стиха псалма 97; “*qui iustitiam intemporaliter diligit*” Вамбы взято из Псалтири: “*quoniam iustus Dominus, et iustitias dilexit*” (Ps. 18.8) или из похожего места, содержащегося в книге Премудростей (Sap. 1.1) и т. д.). Это объясняется тем, что цель короля состояла в том, чтобы покарать злоупотребления некоторых епископов, которые прибирали к рукам имущество сельских церквей, апеллируя к тридцатилетней прескрипции о приобретении собственности (*tricennium*). Гладь текста, созданного в канцелярии, достигает своей высшей точки в редкой метонимии *ipse igitur Deus iustitia est* (и все же: “*cum igitur, ut dictum est, Deus iustitia sit*”), — литературной находке, вдохновленной, возможно, блаженным Августином, который обрел определенную популярность во времена Эгики (см. королевское послание к XVI Толедскому собору 693 года; LI. II.4.8). Смысл применения этого тропа абсолютно ясен. Король последовательно противопоставлял предвечность божественной справедливости грубому и неуклюжему человеческому правосудию, лживому и недолговечному. Таким образом, церковное имущество обладало предвечными свойствами, соответствующими подобающему ему правосудию и, соответственно, епископы не могли использовать в данном случае правила упомянутой прескрипции. Подобные нормы встречались во вселенском (см. канон 17 Халкедонского собора) и испанском каноническом праве, как и библейские цитаты; то же относилось и к подбору риторических фигур и даже к скрупулезному отбору

лексики (высказанное утверждение о том, что *Deus iustitia est* не помешало редактору этого пассажа употребить несколько раз термин *iustitia* в значении слова *Deus*). Все это, представляется, отвечало дальновидной стратегии (земной закон, выражаемый в терминах закона небесного является средством восстановить Божественный порядок, — порядок в недобрый час искаженный нищей логикой земных установлений), казавшейся необходимой для проведения революционных инноваций.

В такой ситуации монарх становился богословом и приведенные тексты служили ему непосредственно для выработки его законов. Концепция законодателя как *artifex legum* (LI I. 1), как совершенного мастера, который умеет придать форму материи, несмотря на то, что не он ее создал, прекрасно встраивается в контекст LI. IV.5.6. Другая норма, вошедшая в *Liber*, на этот раз, принадлежащая Рецесвинту, исходит из той же озабоченности земным мироустройством и в то же время использует Библию с небывалым изяществом. Речь идет о LI. XII.2.2, “*De omnium heresium erroribus abdicatis*”, куда королевские помощники ввели апокалиптический пассаж, взятый из второго послания к Тимофею, повторяющий видение Анании (Деян. 9.9), для того, чтобы намекнуть на апостола Павла¹.

Придать авторитет библейской фразы другой цитате, использованной в данном случае (сравни с законом Эрвигия LI. XII.3.18, где термин *vas electionis* используется для обозначения *Paulus apostolus* более широко), представляется блестящим подходом, но не будем более настаивать на формальных аспектах. С Библией перед глазами Рецесвинт вводит в свой закон определение ереси как предвестие конца времен и потому, пока еще длится время людей (“*dum nostris consistimus in diebus*”), ополчается на инаковость в любом ее проявлении: “*proprius et advena, proselitus et indigena, externus et incolata*”. Столь занудная синонимия выражает состояние его измученной души. И здесь мы переходим к третьему историко-культурному факту, который поможет нам понять путь, пройденный вестготским правом в VII веке: уже упоминавшаяся выше двойная потеря Иерусалима.

Это ужасное событие означало конец экспансионистских мечтаний Византии, породив серьезнейшую смуту в умах. По всему Средиземноморью завоевание Иерусалима селевкидами и затем арабами, сопровождавшееся целым каскадом бедствий (осквернение христианских святынь и даже *lignum*

¹ Divine virtutis eternum consilium et in ultimorum serie seculorum pietatis eius revelatum arcanum per retroactarum dierum tempora omnem, ut cernimus, a cunctis nostri regimonii finibus et perfidiam dissipavit errantium et dogmatum abdicabit commenta pravorum. Verumtamen ne, dum nostris consistimus in diebus, tempus illud occurrat, de quo vas electionis [cf. Act. 9.15: *vas electionis est mihi iste...*] olim protulit, dicens: ‘Erit enim tempus, cum sanam doctrinam non sustinebunt, sed secundum sua desideria coacerbabunt sibi magistros prurientes auribus; et a veritate quidem auditum avertent, ad fabulas autem convertentur’ [2 Tim. 4.3–4], convenit et ea, que in luce fidei manent, a tenebris contradictionem edicto legali defendere et ea, que exoriri obvia forsitan error inpulerit, gestis legalibus propulsare.

Crucis, краткое возвращение города и Креста благодаря титаническому усилию Гераклия, наконец, двусмысленное поведение иудеев перед захватчиками) представлялось как апокалиптическое событие, знаменовавшее начало исполнения древних пророчеств. Если рассматривать в этом контексте развитую эсхатологическую продукцию VII века, с творениями Юлиана в качестве апогея (*Prognosticon futuri saeculi, De comprobatione sextae aetatis...*), становится более понятна политика, проводившаяся в Византии и в Толедском королевстве по отношению к евреям. Политика, проводившаяся в постоянном страхе перед близостью Страшного суда.

Мы уже знаем про усилие Рецесвинта заклясть свой страх, расправляясь с конверсами, ереси которых знаменовали пришествие Антихриста. На самом деле, этот щекотливый вопрос был поднят по вине Сисебута, другого короля-богослова и астролога («самого восточного из всех вестготских монархов» по мнению Хиля), который принудил иудеев к крещению сразу же после того, как узнал о захвате Иерусалима селевкидами. Как бы иерархи Толедской церкви во главе с Исидором ни осуждали потом эту политику и ни настаивали на добровольном обращении [в христианство] (см. канон 57 IV Толедского собора), у них уже не было другого средства, кроме как заставить новообращенных христиан уважать истинную веру, сурово преследуя скрытый иудаизм (ср. цит. собор, каноны 59–64). Причину этого очень хорошо сформулировал африканский богослов Максим Исповедник, напуганный случаями насильственного обращения в христианство при императоре Гераклии: страх, что смешение истинных *fideles* с псевдообращенными приведет к непрекращающимся раздорам, предвещающим конец света. Совсем не случайно тот же самый четвертый собор, который начал антииудейскую кампанию, включил книгу Апокалипсиса в число книг испанского канона: впоследствии непризнание этого текста оборачивалось немедленным отлучением (цит. собор, канон 17).

Едва ли пять лет спустя после этого основополагающего собора святой город оказался в руках арабов-мусульман (638 г.), что вновь привело многих в замешательство. Пока иудейское мессианство и христианская эсхатология ожесточенно спорили о конце света, теряясь в разнообразных расчетах и путаясь в аргументах, королевское законодательство колебалось между максимально суровым антисемитизмом и относительной мягкостью по отношению к иудеям. Посредством таких постановлений, как LI. XII.2 робкий Рецесвинт захотел пойти дальше, чем современные ему церковные иерархи (ср. VII Толедский собор, канон 12); и хотя архиепископы поддерживали статус-кво, деятельность Рецесвинта, на деле, просто предваряла труд последующих королей. Из «Истории» Юлиана мы знаем, что Вамба принял меры против иудеев Нарбоннской Галлии, обвиненных в поддержке мятежа Павла; строго говоря, начиная с давних времен Рекареда верность Богу и верность королю Толедо слились в одно, и поэтому концепт предательства — который символизировала утрата *testificandi licentia*, равноценная полному отдалению от королевского правосудия — беспрепятственно

распространился и на постоянно колеблющихся конверсов; как можно им верить, спрашивал законодатель, если тот, кто предал Христа, без сомнения, предаст и людей¹. *Perfidia iudeorum* стала лейтмотивом законодательства и, фактически, правотворческие нововведения преемника Вамбы, комита (*comes*) Эрвигия сводились, главным образом, к принятию антииудейского *libellum* (LI. XII.3.1–28), где повторялись нормы об обязательном обращении в христианство (cf. LI. XII.3.5, с большим количеством цитат из Евангелия). Эти постановления были прочитаны на собрании евреев, состоявшимся в толедской церкви святой Марии 27 января 681 г., то есть всего лишь 4 месяца спустя после восшествия короля на престол — с реализацией этой идеи новый король очень спешил. Более суровыми были меры, предпринятые Эгикой (ср. LI. XII.2.18), когда мусульманский завоеватель уже представлял серьезную опасность для столицы Византии.

Несомненно, антииудейское законодательство, столь избыточное во второй половине VII века, предоставляет прекрасные примеры апокалиптического мышления, которое последовало за падением Иерусалима, но это злосчастное событие стояло в ряду с другими концепциями и максимами, юридическими и не только, которые были своеобразно выражены в *Liber Iudiciorum*. Закон Вамбы, исследованный нами раньше, олицетворял собой посредничество между вневременной справедливостью, которой был Бог, и преходящим предписанием для людей. В благочестивом изображении Вамбы, которое создал Юлиан, мы можем раскрыть понятие закона как литературное произведение, помещенное между божественным и человеческим, как труд нового Саула, которого избрал Бог для управления народом готов в весьма критический момент. Когда конец света уже стоял на пороге, король и его законы превратились в божественные орудия, значимые для спасения. Поэтому королевские постановления были обязательны для короля так же, как для его подданных, оказавшись в конечном итоге плодом или приказом небес: “*iussa celestia amplectentes*”, как смиренно провозгласил Рецесвинт, “*damus modestas simul nobis et subditis leges*” (LI. II.1.2); тот же монарх, насколько мы знаем, одна из главных фигур, ответственных за эсхатологический поворот в законодательстве Толедского королевства, признавал в другом фрагменте, что некоторые нормы отвечают не людскому капризу (“*ex institutione humana*”), но велениям природы: “*sed... ex ipsarum rerum natura*” (LI. X.2.4). Призыв писать законы “*secundum naturam*”, который содержится в LI. I.2.4, имел вышеуказанное значение в большом количестве текстов, где проявлялась потусторонняя концепция закона и законодателя, однако дела короля никогда не могли быть отложены ради народа: превосходство головы

¹ CTol. IV, c. 64: “non potest erga homines esse fidelis qui Deo extiterit infidus: iudaei ergo... sicut in fide Christi suspecti sunt, ita et in testimonio humano dubii habeantur”;

LI XII.2.10, Recesvinto: “si coram hominibus reppertum mendacium et infamen facit et damnis adfligit, quando magis in divina fallax fide perventus non erit ad testimonium admittendus”

над членами тела было одним из оснований созданного порядка, данному человеку волей Бога (Ll. II.1.4).

На этой антропоморфной метафоре, имеющей столь длинную историю, мы завершаем, наконец, попытку синтеза, изложенную на этих страницах. В духе процитированного такие термины, как *religio*, *Deus* или *iustitia*, вездесущие риторические фигуры, идеи, заимствованные из Библии, миллениаристские страхи, заимствование в законы соборных канонов и канонизация законов предстают ключами, которые позволяют нам понять уникальность законодательства Толедского королевства VII века. Но только ли религию и эсхатологию содержат титулы *Liber Iudiciorum*? Нет ли также в этом «кодексе» других многих тысяч слов и норм о контрактах, завещаниях или преступлениях? Королевское судопроизводство и его многочисленные формальности, вездесущее рабство и отношения зависимости, правила использования сельскохозяйственных угодий и даже ответственность врача, который удаляет катаракту, не составляют ли они предмета большей части законов? Интерпретация, которой мы следовали до настоящего момента, не позволяет в этом усомниться ни на секунду и даже признает, что любой из поставленных вопросов был профессионально разработан не одним поколением исследователей. Речь идет, как мы знаем, о *вестготском праве исследователей вестготского права*. Тот, кто пишет эти строки, принадлежит к профессиональной корпорации, и он не смог бы этого избежать, даже если бы хотел, из-за почти тридцатилетней исследовательской практики. Вынужденный снова начинать *ex ipsarum rerum natura*, этот самый исследователь вестготского права осмеливается думать, ко всему прочему, что пришел черед узнать *вестготское право вестготов*, хотя бы величественная *Liber Iudiciorum* не оказалась в итоге ни «кодексом», ни «нацией», ни даже «правом».

Библиография

1. *Yolanda García López*. Estudios críticos y literarios de la Lex Wisigothorum, Alcalá de Henares, Universidad (Seminario de Historia Antigua), 1996;
2. *Juan Gil*. “Judíos y cristianos en la Hispania del siglo VII” // *Hispania Sacra* 30 (1977), 9–110;
3. *Carlos Petit*. Iustitia gothica. Historia social y teología del proceso en la Lex Visigothorum, Huelva, Universidad, 2001;
4. *Rafael de Ureña*. La legislación gótico-hispana (1905), ed. de C. Petit, Pamplona, Urgoiti, 2003;
5. *Karl Zeumer*. Historia de la legislación visigoda (1897–1900), trad. C. Clavería, Barcelona, Facultad de Derecho, 1944.

ТЕКСТ. ПЕРЕВОД. КОММЕНТАРИИ

Fragmenta Parisina ♦ 245

Фрагменты эдикта короля Эвриха ♦ 469

Liber primus. De instrumentis legalibus ♦ 252

Книга первая. О средствах законодательной деятельности ♦ 485

Liber secundus. De negotiis causarum ♦ 256

Книга вторая. О ведении дел ♦ 496

Liber tertius. De ordine coniugali ♦ 292

Книга третья. О супружеских отношениях ♦ 545

Liber quartus. De origine naturali ♦ 315

Книга четвертая. О природном родстве ♦ 584

Liber quintus. De transactionibus ♦ 332

Книга пятая. О сделках ♦ 605

Liber sextus. De iscleribus et tormentis ♦ 354

Книга шестая. О преступлениях и пытках ♦ 644

Liber septimus. De furtis et fallaciis ♦ 374

Книга седьмая. О кражах и обманах ♦ 670

Liber octavus. De inlatis violentiis et damnis ♦ 389

Книга восьмая. О совершении насилия и нанесении ущерба ♦ 691

Liber nonus. De fugitivis et refugientibus ♦ 409

Книга девятая. О беглых рабах и о дезертирах ♦ 716

Liber decimus. De divisionibus, annorum temporibus adque limitibus ♦ 425

Книга десятая. О разделах земель, временах года,
а также о пограничных знаках ♦ 744

Liber undecimus. De egrotis et mortuis adque transmarinis
negotiatoribus ♦ 435

Книга одиннадцатая. О больных и мертвых,
а также о заморских торговцах ♦ 759

Liber duodecimus. De removendis pressuris et omnium ereticorum sectis
extinctis ♦ 438

Книга двенадцатая. Об устранении несправедливостей
и обо всех искорененных еретических течениях ♦ 765

Fragmenta Parisina (Cod. Rescrip. Paris. Lat. 12161)

CCLXXVI. ...3. Si vero fundorum termini in tertiis quas habent Romani fuerint, tunc Gothi ingrediantur in loco hospitum et ducant terminum <ubi> fuerat ostensus. 4. Tunc iudex, quos certiores agnoverit, faciat eos sacramenta praebere quod terminum sine ulla fraude monstraverint. 5. Nullus novum terminum sine consorte partis alterius aut sine <in>spectore constituat. 6. Quod si forsitam liber hoc fecerit, damnum pervasoris excipiat quod legibus continetur. 7. Si vero hoc servus admiserit domino nesciente, CC flagella publice extensus accipiat, et nullum ex hoc praeiudicium domino conparetur.

CCLXXVII. Sortes Gothicas et tertiam Romanorum quae intra L annis non fuerint revocate nullo modo repetantur. 2. Similiter de fugitivis qui intra L annis inventi non fuerint, non liceat eos ad servitium revocare. 3. Antiquos vero terminos sic stare iubemus sicut et bonae memoriae pater noster in alia lege praecepit. 4. Et alias omnes causas seu bona<s> seu <malas aut etiam> criminales quae intra XXX annis definitae non fuerint, vel mancipia quae in contemptione posita fuerant, sine debita quae exacta non fuerint, nullo modo repetantur. 5. Et si quis post hunc XXX annorum numerum causam movere temptaverit, iste numerus ei resistat, et libram auri cui rex iusserit coactus exsolvat. 6. Omnes autem causas quae in regno bonae memoriae patris nostri, seu bonae se malae, actae sunt non permittimus penitus commoveri ; sed hi qui iudicaverunt cum Deo habeant rationes. 7. De illis vero causis unde duo iudicia proferuntur, nobis iubemus offerri, ut quae cum lege videremus emissa nobis praecipientibus dibeat probari.

Tit. De commendatis vel commodatis

CCLXXVIII. Qui cavallum aut quodlibet animalium genus ad custodiendum mercede placita commendaverit, si perierit id, aliud eiusdem meriti ille qui commendata suscepit exsolvat ; si tamen mercedem fuerit pro custodia consecutus. 2. Quod si etiam qui nulla placita mercede suscepit ea mortua esse probaverit, nec ille mercedem requirat, nec ab illo aliquid requiratur; ea tamen ratione ut praebeat sacramentum qui commendata suscepit quod non per suam culpam nec per negligentiam morte consumpta sint. 3. Eadem et de commodatis forma servetur.

CCLXXVIII. Si quis alicui iumentum praestiterit, et illud per aliquam infirmitatem aput eum moritur, sacramentum primitus praebere debet quod non per suam culpam morte consumptum sit, et nihil cogatur exsolvere. 2. Sin autem nimium sedendo vel fascis caricando mortuum fuerit, eiusdem meriti caballum reddat. 3. Si vero idem praestitus alicui aliquid debilitatis intulerit vel damni, ille componat qui eum aput se susceptum habuisse dinoscitur.

CCLXXX. Si cui aurum, argentum vel ornamenta vel species fuerint commendatae, sive custodiendae traditae sive vendendae, et in domo ipsius cum rebus eius fuerint incendio concrematae una cum testibus qui commendata suscepit

praebeat sacramentum nihil exinde suis profuisse conpendi<i>s, et nihil cogat<ur> exsolvere, excepto auro et argento quod ardere non potuit. 2. Si quis, dum domum flamma consumit, se quasi auxilium praebiturus ingresserit et aliquid forte rapuerit, dominus domus diligenter inquirat, et si eum potuerit invenire, ille qui rapuerit in quadruplum rapta restituat. 3. Et si de commendatis rebus apud susceptorem aliquid forte repperierit, domino restituere non moretur. 4. Si vero quae commendata fuerant furto probantur ablata, ei qui commendata susceperat spatium tribuantur donec furem sua investigatione perquirat. Et si eum invenerit, commendatori res proprias tantummodo reformare procuret; compositio vero furti ad eum qui habuit commendata pertineat. 5. Et si fur non fuerit infra statutum tempus inventus, medietas rerum commendatarum domino a suscipiente reddatur: damnum vero ex medio uterque susteneant. 6. Et si postmodum dominus rerum apud eum qui cui commendaverat quae fuerint suppressa repperierit, cum haec ille se prius dixerit perdedisse vel furto fuisse sublata, sicut fur ea quae celavit, ut legum statuta praecipiant, compositione implere cogatur.

CCLXXXI. Si quis pecuniam sub cautione suscepit, daturus usuras, si per casu(m) pecunia perit, non culpa aut negligentia debitoris, ille qui commodavit solam pecuniae summam recipiat et non requirat usuras. 2. Sin vero per ipsius fraudem vel culpam factum est, et pecuniam et usuras solvat. 3. Et si aliqua lucra est ex ea pecunia consecutus, et postmodum contigit ut pecunia pereat, extra summam quod acceperat mediam .. usurarum partem restituat.

CCLXXXII. Qui commendata vel commodata susceperit et de ruina aut incendio vel hostilitate vel naufragio seu quolibet simili casu sua omnia liberaverit et aliena perdiderit, quod accepit sine aliqua excusatione exsolvere cogatur. 2. Si vero partem aliquam de rebus propriis liberasse cognoscitur, illi cuius res secum habuerat, iuxta modum perditae rei vel liberatae, restituat quam iudex ratione deducta estimaverit portionem. 3. Sin autem sua omnia perdidit, cum liberaret alienam, similis de liberatis et de perditis rebus ratio deducatur, ut partem arbitrio iudicantis qui liberavit accipiat. Iustum est enim ut simili casu non damnum solus excipiat qui se gravibus periculis, dum sua maiora perdidit et aliena

CCLXXXIII. Quod nesciente domino servus fuerit commendatum, si id perierit, dominus servi nullum damnum incurrat. Suae enim inpotet culpa qui servo alieno res suas commendaverit domino nesciente. 2. Similis et de commodatis forma servetur.

CCLXXXIII. Si dominus per servum suum quodcumque sibi petierit commodandum, et servus cum rebus commodatis in fuga fuerit elapsus, tunc dominus obligetur ut commodata restituat. 2. Si vero servus petisse dominum mentiatur et sic deportanda ad dominum suceperit, sed ea quae susceperit everterit aut forte perdidit, et fugitivus non potuerit inveniri, dominus servi praebeat sacramentum se eum ut susciperet non misisse, et cum id peteret ignorasse, et nihil calumniae pertimescat. 3. Haec eadem de commendatis praecipimus.

CCLXXXV. Nullus qui pecuniam commodavit ad usuram, per annum plus quam tres siliquas de unius solidi poscat usuras, ita ut de solidis octo nonum solidum creditori qui pecuniam ad usuram suscepit exsolvat. 2. Quod si cautionem ultra modum superius comprehensum per necessitatem susipientis creditor extorsit, condicio

contra leges inserta non valeat. Qui contra hoc fecerit, rem quam commodaverat recipiat et nullam usuram. 3. Quae vero cautae non fuerant non solvantur usure.

Tit. De venditionibus

CCLXXXVI. Venditio per scripturam facta plenam habeat firmitatem. 2. Si etiam scriptura facta non fuerit, datum praetium testibus conprobatur, et emptio habeat firmitatem. 3. Venditio si fuerit violenter extorta, id est per metum mortis aut per custodiam, nulla valeat ratione.

CCLXXXVII. Si quid a servo fuerit comparatum domino nesciente, si dominus firma(m) esse noluerit emptionem, praetium reddat emptori, et emptio nihil habeat firmitatis.

CCLXXXVIII. Si quis servum suum vendiderit, et servus priori domino ali-quod crimen obiecerit, ille qui venderit recipiat quem vindedit, pretium redditurus emptori, ut ille in servo suo requirat crimen quod obiecerat. 2. Idem de ancillis praecipimus custodiri.

CCLXXXVIII. Quoties de vindita re contentio commovetur, si alienam fuisse costiterit, nullum domino praeiudicium conparetur. 2. Et domino qui vendere aliena praesumerit duplum cogatur exsolvere, nihilominus emptori quod accepit praetium reddi turus; 3. et quidquid ad <con>parate rei profectum studio suae utilitatis emptor adiecerit, a locorum iudicibus estimetur, et ei qui laborasse cognoscitur a venditore iuris alieni satisfactio iusta reddatur.

CCLXXI. Si quis ingenuum vendiderit, cum ille suam probaverit libertatem, servum aut praetium servi ab illo qui vendedit accipiat ille sibi quem vinditum fuisse constiterit, excepto quod emptori in duplum praetium quod accepit cogatur exsolvere. 2. Haec et de mulieribus forma servetur.

CCLXXI. Si quis servum suum vendiderit forsitam eius nesciens facultates, habeat inquiren<di> liberam potestatem, et sibi vindicet ille qui vendidit, cum potuerit invenire.

CCLXXII. Si servus de peculio suo fuerit emptus, et hoc dominus eius forte nescierit, de domini potestate non exeat; quia non praetium sed res servi sui, dum ignorat, accepit.

CCLXXIII. Conmutatio talem qualem emptio habeat firmitatem.

CCLXXIII. Venditionis haec forma servetur ut <seu res> seu mancipia seu quodlibet animalium genus venditur, nemo propterea firmitatem venditionis in-rumpat quod dicat rem vili praetio vendidisse.

CCLXXV. Si venditor non fuerit idoneus, fideiussorem dare debet emptori.

CCLXXVI. Si pars praetii data est, pars promissa, non propter hoc venditio facta rumpatur ; 2. sed si emptor ad placitum tempus non solverit praetii reliquam portionem, pro parte quam debet solvat usuras; nisi hoc forte convenerit ut res vendita reformetur.

CCLXXVII. Qui arras pro quacumque dederit re, praetium cogatur implere quod placuit. 2. Emptor vero, si non occur<er>it ad diem constitutum, arras tan-tummodo recipiat quas dedit, et res definita non valeat.

CCLXLVIII. Rem in contemptione positam non liceat donare nec vindere.

CCLXVIII. Parentibus filios suos vendere aut donare <non liceat> nec obpignerare; nec aliud suo iure vendicabit qui acceperit sed magis praetium quod dedit perdat qui a parentibus filium comparavit.

CCC. Quicumque ingenuus post annum vicissimum se vindi permiserit et praetium cum venditore partibus est ut circumveniret emptorem, proclamans postea nullatenus audiatur, sed ea qua voluit servitute permaneat; quoniam non est dignus ut liber sit qui se volens subdidit servituti.

CCCI. Nullo ... ro cuius ut in Roman- ... et facultat- ... qui proclama- ...

CCCII. Nullus ... regis aut iudicis ... us audeat ... verborum placit- ... — Desunt 6 versus

CCCIII. ... onis null- ... aut pro ... mum quod ... nt in qua ... mora exi ... quamdiu ... — Vacat.

CCCIII. ... s terras .. transferre ... terras suarum ... ut forte ... Romanus ... Gothus qui ... re cogatur ... territorio civitatis ... addatur augmentum .. merito sibi ... — Desunt 6 versus.

Tit. De donationibus

CCCV. De his donationibus quae a regibus ad ingenuos conferuntur sive antea conlate sunt, hoc observandum esse iubemus quod gloriosae memoriae patris nostri vel decessorum nostrorum constituit mansuetudo; quia iniquum esset res donatas ... convelli.

CCCVI. Si quis ep(iscopus) vel presbyter aliquid praeter consensu omnium clericorum de rebus aeclesiae facere crediderit, hoc firmum non esse precipimus; nisi praebat omnis clericus consensum suum, seu de fundo seu de hereditate. 2. Item filii clericorum qui terras vel aliquid ex munificentia aeclesiae possident, si in laicos conversi fuerint vel de servitio aeclesiae discesserint ve amittant ... iuste rebus lat ... vel ... — Desunt 6 versus

CCCVII. Maritus si uxori suae aliquid donaverit, de hoc quod voluerit scriptura sua manu signo sive subscriptione confirmet, ita ut duo aut tres testes

CCCVIII. Res donata, si in praesenti traditur, nullo modo a donatore repetatur, nisi causis certis et probatis. 2. Qui vero sub hac occasione largitur ut post eius mortem ad illum cui donaverit res donata pertineat, quia similitudo est testamenti, habebit licentiam inmutandi voluntatem suam quando voluerit, etiam si in nullo laesum fuisse se dixerit. 3. Ille vero qui falsa donatione circumventus aliquid in utilitate donatoris expendit, aut ab ipso donatore recipiat vel ab eius heredib(us), ne iniuste damna sustineat qui honestum lucrum de inani promissione speraverat.

CCCVIII. Donatio que per vim et metum probatur exortata, nullam habeat firmitatem.

CCCX. Si quis buccellario arma dederit vel aliquid donaverit, si in patroni sui manserit obsequio, aput ipsum quae sunt donata permaneant. 2. Si vero alium sibi patronum elegerit, habeat licentiam cui se voluerit commendare, quoniam ingenuus homo non potest prohiberi, quia in sua potestate consistit; sed reddat omnia

patrono quem deseruit. 3. Similis et de circa filios patroni <vel> buccellarii forma servetur: ut si ipsi quidem eis obsequi volueri<n>t, donata possideant; si vero patroni filios vel nepotes crediderint relinquendos, reddant universa quae parentibus eorum a patrono donata sunt. 4. Et si aliquid buccellarius sub patrono adquisierit, medietas ex omnibus in patroni vel filiorum eius potestate consistat, aliam medietatem buccellarius qui adquaesivit obtineat; 5. et si filiam reliquirit, ipsam in patroni potestate manere iubemus; sic tamen ut ipse patronus aequalem ei provideat qui eam sibi possit in matrimonium sociare. 6. Quod si ipsa sibi contra voluntatem patroni alium forte elegerit, quidquid patri eius a patrono fuerit donatum vel a parentibus patroni, omnia patrono vel heredibus eius <restituatur>.

CCCXI. Arma quae saionibus pro obsequio da<n>tur, nulla ratione repetantur; 2. sed illa que, dum saius est, adquisivit, in patroni potestate consistant.

CCCXII. Romanus qui Gotho donaverit rem que est iudicio repetenda, aut tradederit occupandam priusquam adversarium iudicio superarit, si etiam Gothus invaserit, tum possessor rem suam per executionem iudicis quae occupata fuerit statim recipiat, nec de eius postmodum repetitione pulsetur, etiam si bona sit causa repetentis; 2. sed Romanus Gotho eiusdem meriti / rem aut pretium repensare cogatur. — Desunt 2 paginae (cap. 313–318).

(CCCXVIII) ... so ... t ... nihil potestate ... a ... u ... mi ...

CCCXVIII. Maritus si uxori suae aliquid donaverit, et ipsa post obitum mariti sui in nullo scelere adulterii fuerit convesata sed in pudicitia permanserit, aut si certe ab alio marito honesta coniunctione pervenerit, de re(bus) sibi a marito donatis possidendi et post obitum suum relinquendi cui voluerit habeat potestatem. 2. Sin autem per adulterium seu inhonestam coniunctionem se miscuisse convincitur, quidquid de facultate mariti sui fuerat consecuta, totum incunctanter amittat, et ad heredes donatoris legitimos revertatur.

Tit. De successionibus

CCCXX. Si parentes testati decesserint — sequuntur 4 versus in quibus singulae tantum litterae legi possunt — de ea ... eas ad facultates ... sorores ... accipient ... cum fratribus suis in terris vel in aliis rebus aequalem habeant portionem. 2. Quod si aliqua sine viro fuerit relicta, et ad coniugium expetens sponte transierit, totam portionem quam acceperat suis fratribus vel eorum heredibus relinquat. 3. Quod si ipsa virgo permanserit, quamdiu advixerit in rebus vel in culturis cum fratribus habeat portionem; post obitum vero eius terras ad heredes superius comprehensos sine mora revertantur, reliquas facultates cui voluerit donatura. 4. Circa sanctimoniam autem quae in castitate permanserit voluntate parentum, praecipimus permanere. 5. Quod si parentes sic transierit ut nullum fuerit testamentum, ea puella inter fratres aequalem in omnibus habeat portionem, quam usque ad tempus vitae suae usufructuario iure possideat, post obitum vero suum terras suis heredibus relinquat; de reliqua facultate faciendi quod voluerit in eius potestate consistat

CCCXXI. Si marito superstite uxor forsitan moriatur, filii qui sunt eodem coniugio procreati in patris potestate consistant, et res eorum, si novercam non

superdixerit, ea conditione possideat ut nihil exinde aut vendere aut evertere aut quocumque pacto alienare praesumat, sed omnia filiis suis integra et intemerata conservet. 2. Fructos tamen omnes pro suo iure percipiat <et> una cum filiis communibus consumat expensis. 3. Cum vero filius duxerit uxorem aut filia maritum acceperit, statim a patre de rebus maternis suam recipiat portionem, ita ut usufructuaria patri tertia derelinquatur. 4. Pater autem tam filio quam filiae, cum XX annos aetatis impleverit, mediam ex eadem quam unumquemque contigit de rebus maternis restituat portionem, etiam si nullis fuerint nuptiis copulati; medietatem vero dum advixerit pater sibi vindicet filiis post obitum relinquendam. 5. Qui autem novercam superdixerit, omnes facultates maternas filiis mox reformet, ne, dum filii cum rebus ad domum transeunt alienam, novercae suae vexentur iniuriis. 6. Eadem quoque de nepotibus forma servetur.

CCCXXII. Mater, si in viduitate permansit, aequalem inter filios, id est qualem unus ex filiis, usufructuariam habeat portionem; qua(m) usque ad tempus vitae suae usufructuario iure possideat, ceterum nec donare nec vindere nec uni ex filiis ... e conferre praesumat. 2. Quod si ea m filii hanc portionem matris <evertere> sive per negligentiam sive per odium eorum forte prospexerint, ad millenarium vel ad comitem civitatis aut iudicem referre non different, ut matrem suam contestatione commoneant ne res quas ad usu(m)fructum accepit evertat. 3. Nam usumfructu(m) quem ipsa fuerat perceptura dare cui voluerit, filio vel filiae, non vetetur. 4. Verum si ex usufructuaria portione aliquid probatur eversum, filiis post mortem matris de eius facultatibus sarciantur. 5. Post obitum vero matris, portio quam acceperat ad filios equaliter revertatur, quia non possunt de paterna hereditate fraudari. 6. Quod si mater ad alias nuptias forte transierit, ex ea die usufructuariam portionem, quam de bonis mariti fuerat consecuta, filii inter reliquas res paternas, qui ex eo nati sunt coniugio, vindicabunt.

CCCXXIII. Maritus si cum servis uxoris vel suis in expeditione aliquid lucri fuerit consecutus, nihil exinde uxor a viro suo praesumat repetere, nec ipso vivente nec post eius obitum; sed vir, qui uxorem suam secundum Sactam Scriptura(m) in potestate habet, similiter et in servis eius potestatem habebit, et omnia quae cum servis uxoris vel suis in expeditionem adquisivit in sua potestate permaneant; pro eadem scilicet ratione quia si servi, dum cum domino suo in expeditione conversabantur, aliquid admisissent forte damnosum, ille qui eos secum duxerat ipse pro eis daturus esset compositionem, ut sicut lucrum ita et damnum ad se dominus noverit pertinendum.

CCCXXIII ... it usus ... inter ... tatem pa ... inter ... ns que de ...

CCCXXV ... si ... l la ... cipiis ... au ... et ipsum .. filium post mortem ... um con ... re marito ... tantum fi ... s relin ... — Desunt 6 versus (cap. 326).

CCCXXVII. In priori lege fuerat constitutum ut si patruus aut patruus filii cum matre ... vindicarentur. 2. Nos modo meliori ordinatione censuimus ut patre defuncto, si filius decesserit, omnem facultatem eius sibi mater dibeat vindicare, quae tamen sit post obitum vidua. 3. Si vero qui moritur filios, nepotes et pronepotes relinquerit, ipsi omnes habeant facultates, ea condicione servata ut nepotes ex eo filio qui patre superstitie mortuus fuerit integram de avi bonis quam fuerat pater

eorum, si vixisset, habiturus percipiat portionem; 4. nam nepotes ex ea filia quae ante patre(m) mortua est de ea portione quam mater fuerat habitura tertiam portionem perdant. — Desunt 6 versus

In primis 10 versibus singulae tantum litterae legi possunt.

CCCXXVIII. Qui moritur, si avum paternum et maternum relinquit, ad avum paternum hereditas mortui universa pertineat. 2. Si autem avum paternum et aviam maternam reliquerit, aequales capiant portionem.

CCCXXVIII. Qui moritur, si tantummodo aviam, hoc est patris sororem, et materteram, hoc est matris sororem, relinquit, aequali iure succedant in hereditate defuncti. — Desunt alii 4 versus (cap. 330).

CCCXXXI. Qui moritur, si fratres et sorores non reliquerit et filios fratrum vel sororum reliquerit et f ... universa praes ... hac heredi ... vero ceterorum ... et der ... memoriae ...

CCCXXXII. Femina ad hereditatem patris aut matris, avorum vel aviarum tam paternorum quam maternorum ... femina et ... sive ad ... — Desunt 6 versus (cap. 333)./

CCCXXXIII. Maritus et uxor tunc sibi hereditario iure succedant quando nullus usque ad septimum gradum de propinquis aut quibuscumque parentibus invenitur.

CCCXXXV. Clerici, monaci vel sanctimoniales qui usque ad septimum gradum non reliquerint heredes propinquos parentesve, si nihil de suis facultatibus ordinaverint, totam sibi ecclesia cui servierunt eorum substantiam vindicabit.

CCCXXXVI. In hereditate illius qui moritur intestatus, si filii desunt, nepotibus debetur hereditas. Si nec nepotes fuerint, pronepotes vocantur ad hereditatem. 2. Si vero qui moritur nec filios nec nepotes nec pronepotes reliquerit, pater aut mater hereditatem sibi vindicabit. 3. Si personae desunt / ...

Liber primus

De instrumentis legalibus

I.1. De legislatore

1. Quod sit artificium condendarum legum.
2. Quo modo uti debet artifex legum.
3. Quod requirendum est in artificem legum.
4. Qualis erit in consiliandum artifex legum.
5. Qualis erit in consiliandum artifex legum.
6. Qualis erit in eloquendo artifex legum.
7. Qualis erit in iudicando artifex legum.
8. Qualis in publicis, qualis in privatis erit artifex legis.
9. Quod dare debeat legibus disciplinam artifex legum.

I.1.1. Quod sit artificium condendarum legum.

Salutare daturi in legum contemtionem preconium, ad nove operationis formam antiquorum istudii novus artus aptamus, reserantes virtutem tam formandae legis quam peritiam formantis articulis. Cuius artis insigne ex hoc decentius enitere probabitur, si non ex coniectura trahat formam similitudinis, sed ex veritate formet speciem sanctionis, neque sillogismorum acumine figuras inprimat disputationis, sed puris honestique preceptis modeste statuat articulos legis. Etenim ut ars operis huius se in hac dispensatione componat, ordo magne rationationibus exoptat. Namque cum experimenta rerum manus tenet artificis, ad dispositionem forme frustra queritur investigatio rationis. In improvisis certe acuta expetit se ratio indagatione cognosci; in non ignotis autem experimento faciendi se properat reserari. Latentis ergo rei quia species ignoratur, non inmerito considerationis ordo requiritur. Cum vero expertos usus in speculo visionis fides veritatis adducit, non iam materia forme ratiocinationem dicti, sed operationem facti deposcit. Unde nos, melius mores quam eloquia ordinantes, non personam oratoris indicimus, sed rectoris iura disponimus.

I.1.2. Quo modo uti debet artifex legum.

Formandarum artifex legum non disceptatione debet uti, sed iure; nec videri congruum sibi contentione legem condidisse, sed ordine. Ab illo enim negotia rerum non expetunt in teatrali labore clamorem, sed in exoptata salvatione populi legem.

I.1.3. Quod requirendum est in artificem legum.

Tunc primo requirendum est, ut id, quod inducitur, possibile credatur. Novissime ostendendum, si non pro familiari compendio, sed pro utilitate populi suadet, ut appareat eum, qui legislator existit, nullo privatim commodo, sed omnium civium utilitati communi motum presidiumque oportune legis inducere.

I.1.4. Qualis erit in consiliandum artifex legum.

Erit consequenter idem lator iuris hac legis mores eloquiis anteponeus, ut contentio illius plus virtute personat quam sermone. Sicque ut quod dixerit amplius factis quam dictis exornet priusque promenda compleat, quam implenda depromat.

I.1.5. Qualis erit in consiliandum artifex legum.

Erit in adventione Deo sibi que tantummodo conscius, consilio probis et parvis admixtus, adsensu civibus populisque communis, ut aliene provisor salutis commodius ex universali consensu exerceat gubernaculum, quam ingerat ex singulari potestate iudicium.

I.1.6. Qualis erit in eloquendo artifex legum.

Erit concionans eloquio clarus, sciencia non dubius, evidentia plenus, ut, quidquid ex legali fonte prodierit, in rivulis audientium sine retardatione decurrat, totumque qui audierit ita cognoscat, ut nulla hunc difficultas dubium reddat.

I.1.7. Qualis erit in iudicando artifex legum.

Erit iudicans in indagando vivax, in preveniendo fixus, in decernendo non anxius, in percutiendo parens, in parcendo adsiduus, in innocente vindex, in noxio temperatus, in advena sollicitus, in indigena mansuetus. Personam tantum nosciat accipere, quanto et contemnet eligere.

I.1.8. Qualis in publicis, qualis in privatis erit artifex legis.

Erit quecumque sunt publica patrio rectoris amore, quecumque private erili dispensaturus ex potestate, ut hunc universitas patrem, parvitas habeat dominum, sicque diligatur in toto, ut timeatur in parvo, quatenus et nullus huic servire paveat, et omnes amorem eius morte compensaturum exoptent.

I.1.9. Quod dare debeat legibus disciplinam artifex legum.

Tunc deinde sciet in hoc maxime istare gravitatis publice gloriam, si det ipsis legibus disciplinam. Nam cum salus tota plebium in conservando iure constat, leges ipsas corrigere debet ante quam mores. Veniunt enim, ut cuique libet, in contentionem, leges pro arbitrio suo ferunt, induunt sibi fictam de grabitate hac pudore personam; adeo ut sit illis lex publica, inhonestas private, sicque obtentu legum contraria legibus adoperiunt, qui vigore legis obvia legibus evellere debuerunt.

I.2. De lege

1. Quod observabit legislator in legibus suadendis.
2. Quid sit lex.
3. Quid agit lex.
4. Qualis erit lex.
5. Quare fit lex.
6. Quod triumphet de hostibus lex.

